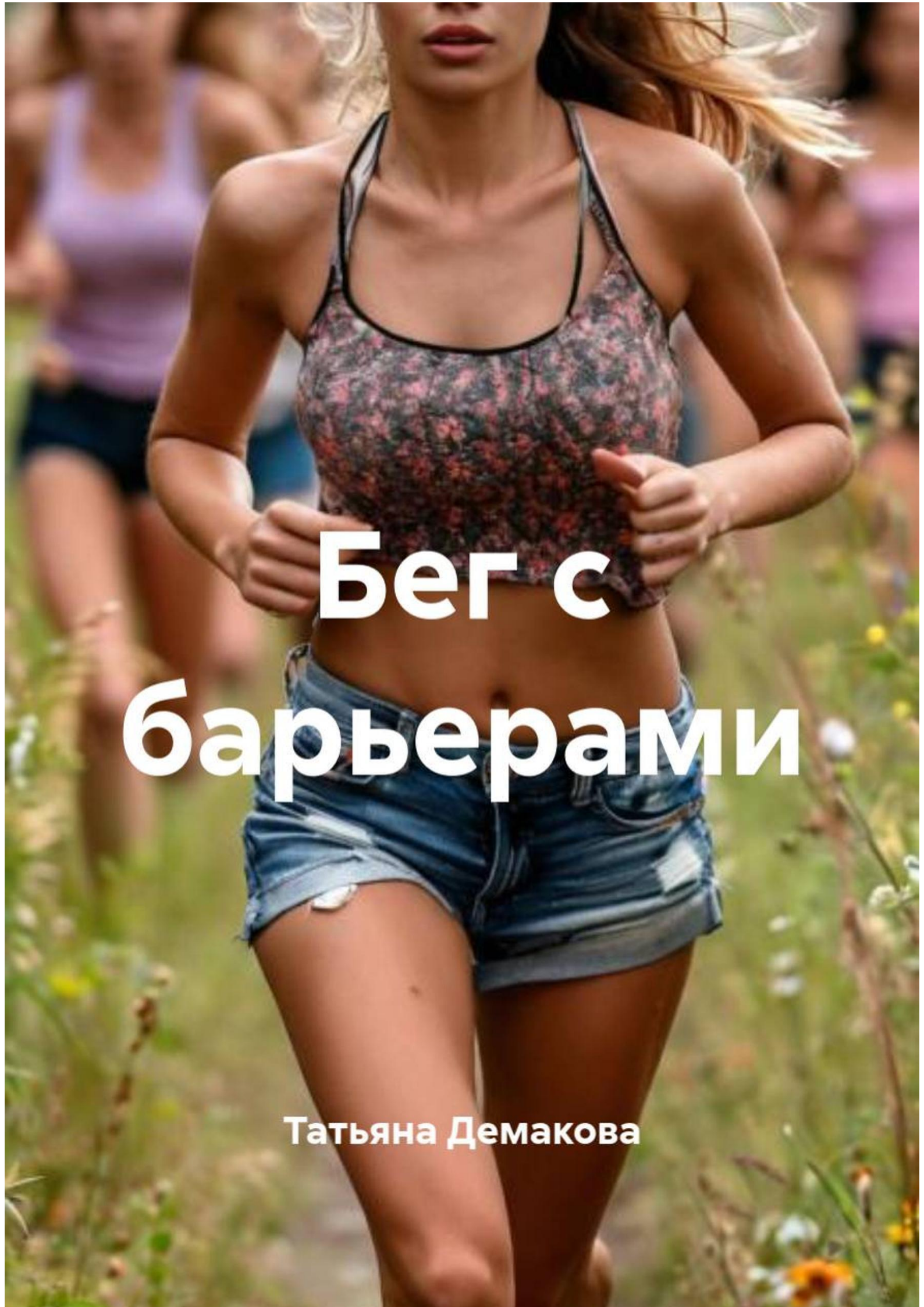

A full-page photograph of a woman with blonde hair running through a field of tall grass and wildflowers. She is wearing a floral-patterned halter-neck crop top and denim shorts. Her hair is blowing in the wind, and she has a focused expression. In the background, other people are blurred, suggesting a group activity or race.

Бег с барьерами

Татяна Демакова

Татяна Демакова

Бег с барьерами

«Автор»

2026

Демакова Т.

Бег с барьерами / Т. Демакова — «Автор», 2026

Женщина узнала о том, что ее любимый мужчина имеет несколько подруг для встреч. Что делать? Расставаться? Но любовь неотпускала. Изобретательная женщина нашла пути, как познакомиться со своими соперницами. Потом даже придумала трюк, как устроить ему свидания по объявлениям с Сайта знакомств. А он? Он любил всех. И никого. И тогда она заказала гроб...

© Демакова Т., 2026

© Автор, 2026

Татьяна Демакова

Бег с барьерами

Я блондинка. У меня золотая грива, как у львицы. Прозрачная, словно розовый леденец, кожа. Темные брови и ресницы, в которых плещется наивный взгляд. Так думаю мужчины.

На самом деле я – бесцветно-белесая. И, чтобы мои жиденькие волосенки выглядели пышной солнечной копной, я раз в две недели колдую над ними в парикмахерской. С воодушевлением помогает мне Лариска, моя закадычная подружница. Она же возюкает мои брови и ресницы едкой и вонючей немецкой краской, и соболиный блеск не смывается в течение месяца.

Кроме того я близорука. Мои минус четыре диоптрии придают взгляду растерянную наивность и беспомощность.

В ранней юности это обстоятельство ужасно осложняло мою жизнь.

Очки я, конечно, не носила. И лица всех ухажеров на расстоянии вытянутой руки расплывались в нечеткие блины. Усилиям воображения я дорисовывала выразительные глаза, мужественную складку рта, благородную чистоту кожи.

Но, когда заканчивался ухажерский марафон, и лицо моего избранника приближалось ко мне для счастливого поцелуя, я почти бухалась без сознания. Это было лицо незнакомого человека. И чаще оказывалось, что всем известный Квазимодо рядом с тем, кто учащенно дышал возле моих губ, выглядел бы сказочно-прекрасным. Один мой кавалер оказался косым, другой был весь усыпан буграми гноящихся угрей, у третьего во рту, на месте зубов чернели мрачные и зловонные обломки.

Любовь улетучивалась мгновенно.

Моя невостребованная первая любовь!

Но все эти горькие разочарования остались в прошлом. Слава медицине! Лет с двадцати пяти я благополучно пользуюсь мягкими контактными линзами.

В моем обиходе линзы разных цветов. Когда я, послунявив палец, прилепляю синие, то мои воздыхатели, все как один, сравнивают мои глаза с незабудками, васильками, морем и небом.

С зеленым цветом у мужиков напряженнее. Вымучивают что-нибудь про изумруды или весенние листья.

А как же я выглядела в тот день?

Так, вспоминаю. Я вышла из дома ослепительной зеленоглазой блондинкой. На мне были надеты бархатные брючки, которые очень фривольно обтягивали мой поджарый задик, а также блузка цвета нежного девического румянца и роскошный белый жилет из натуральной кожи.

Это роскошное лайковое дополнение мы с Лариской купили на Кипре прошлым летом в лавке у симпатичного грека дядюшки Сэма. Мы неистово и весело торговались, смешивая английские, греческие и русские словечки, так хозяйки с воодушевлением бросают в миску разнородные продукты для затейливого салата. Видимо, наш словесный "Оливье" пришелся по вкусу торгашу. Он уступил нам свое изделие, которые сшил сам, за полцены. В благодарность Лариска подарила греку русскую купюру в пять рублей. Грек совсем расчувствовался, наивно поверив в значительность подарка и презентовал нам по флакончику духов "Афродита". В рекламном проспекте мы вычитали, что, если намазать этими божественными каплями запястья и почему-то переносицу, то женщина приобретает магическую силу богини.

– Короче, мужики косяком пойдут! – радостно воскликнула Лариска и тут же вылила на себя полфлакона.

Так вот, в тот день я еще и благоухала, как Богиня.

В тот день.

Я стояла на трамвайной остановке и сжимала ягодицы. Раз-два, раз-два, раз-два... Со стороны моя гимнастика незаметна. Да и мало ли отчего могут играть молодые мышцы!

Закончив ягодичный комплекс, я приступила к голеностопной разминке. Медленно поднималась на носки и стремительно опускалась на пятки. Потом покрутила головой в разные стороны. Под левым ухом немножко хрустнуло. Хм... неужели старею!

Моя матушка с детства приучала меня с максимальной пользой проживать каждую минуту. Во время стирки я зубрила английские слова, нарезая овощи для борща, учила стихи классиков, а на дискотеке мои танцы очень напоминали интенсивную спортивную разминку с глубокими наклонами, приседаниями и махами ногами.

Я любила так жить, когда каждая минута, как драгоценный камень.

Иногда, правда, я срывалась с рельсов правильной или праведной жизни, и неслась под откос, по уши погрязая в дремучей тоске любовного романа. Потом, выкарабкиваясь из-под обломков дымных отношений, других почему-то у меня не случалось, я с ужасом вглядывалась в свое зеркальное отражение. Новые сединки, синева под глазами и потухший взгляд красноречиво убеждали: с завтрашнего дня все будет по-новому.

Именно в то апрельское утро я начинала новый этап жизни.

Закончив с физической зарядкой, я достала из сумочки миниатюрный блокнот с японскими иероглифами. Через полгода мы с Лариской планировали посетить страну восходящего солнца. Быть глухонемой даже в чужестранье я не хотела.

Пригромыхал цветной, как радуга, трамвай. Я нисколько не огорчилась, что опять не мой номер. Подождем! Подставив лицо и ладони нежному весеннему солнцу, я впитывала ультрафиолет. Бесплатный сеанс! Кайф!

– Бежим! – кто-то резко толкнул меня в спину, схватил за руку и буквально потащил к открывающейся двери ненужного мне трамвая.

– Вы что с ума сошли? – успела выкрикнуть я.

Он забросил меня на металлическую ступеньку, бесцеремонно обхватив мои только что оттренированные мышцы ниже спины.

– Пикнешь, худо будет! – грозно прошептал он мне. – Да и пассажиров ни к чему шокировать.

– Ну могу я хотя бы поинтересоваться, куда меня везут? – жалобно проблеяла я и заглянула в серые глаза.

– Ко мне! – он сухо и больно сжал мой локоть.

– Зачем? – сердце застучало, как после спринтерской дистанции.

– Ты мне отдашься!

– Нахал! – я не заорала, а прошептала, прикрыв ресницами изумрудные линзы.

От остановки до его дома было ровно сто двадцать два шага. Я шла и считала вслух. Я боялась не его, а себя, предчувствуя, что могу опять натворить непоправимое.

– Мать! – заорал он с порога. – Я ее привел. Такая тебя устроит?

Из ближней двери высунулась седая голова. Короткое мгновение голова безмолвствовала, а потом беззубо засмеялась.

– Витюня, ты опять шутишь! А у меня сериал.

Дверь захлопнулась, противно щелкнув, будто кто-то невидимый взвел курок.

У меня не попадал зуб на зуб.

– Ты сама разденешься или тебе помочь? – ехидно поинтересовался мой нечаянный мучитель, когда мы зашли в маленькую комнату. На пушистом светлом ковре были разбросаны гроздья разнокалиберных подушек.

– Дурак! Нахал! Ненавижу! – мне хотелось завыть в голос и зарыдать так, чтобы слезы брызнули из глаз, как струи фонтана в Летнем саду. Но мешали зеленые линзы. Их могло бы смыть соленой водой слез.

Он смотрел на меня и смеялся.

– А как ты под душ пойдешь? У меня очков для подводного плавания нет...

Я все-таки не выдержала. Заплакала. Слезы оставляли бледные полосы на моих скулах, нарумяненных французской светящейся косметикой. Шмыгая носом и распустив губы, я почти не глядя в зеркало, натренированным щипком из двух пальцев вытащила линзы. Специальный контейнер болтался на моей шее, как экстравагантное дополнение к бижутерии.

– Ну что тебе еще от меня нужно? – теперь я была близорукой и не могла видеть смеющихся чертиков в серых глазах. Они казались мне серьезными и даже печальными.

– Ты ведь бросил меня. Растоптал, уничтожил все-все, что жило и болело здесь, – я выразительно положила руку к вздрагивающей левой груди.

– Ну-ка, ну-ка, эта интересная версия! Кто и что растоптал, – он резко схватил меня за мокрую от слез ладонь и дернул к себе. Дернул так, как темпераментный танцор рок-н-ролла приближает к себе партнершу. И вихрь танца продолжается с новой энергией и страстью.

* * *

...Мудрые люди утверждают, что самое верное впечатление – это впечатление с первого взгляда. В тот миг, пока не вострепнулись для анализа мозговые клетки, пока не опутала паутина взглядов и речей, душа или раскрывается, или не раскрывается навстречу. Мы слышим внутренний голос, но почему-то не всегда ему верим. То, что любви с первого взгляда не случилось, я знала точно.

Ничего особенного в нем нет, – вяло думалось мне, когда невысокий крепыш раскладывал на столе страницы диссертации, поясняя тоном начальника, где и каким шрифтом необходимо выделить мудреные схемы.

– Сколько страниц? – по-деловому поинтересовалась я, радостно прикинув, что на эти вырученные деньги куплю себе белые сапожки. Почему-то в ту зиму я хотела, как снегурочка, бегать по улицам в белоснежных "казачках".

Подрабатывать набором текстов на компьютере я начала недавно. Последний Ларискин кавалер, объявив ей о том, что уходит к другой, видимо, для того, чтобы смягчить удар, оставил ей свой навороченный компьютер. Царский жест для нынешних прижимистых мужиков.

– Хочешь, забери эту игрушку к себе или я ее разобью, – мрачно предложила мне Лариска. – Не спать же мне с компьютером! – добавила смачно.

Охотно! Меня уговаривать не нужно. Тем более, что всякий раз при словах "дискеты", "винчестер" и так далее, гадкое состояние ущербности начинало переполнять мое существо. Сегодня уже сопливые малыши кумекают во всех этих премудростях, а я, тридцатипятилетняя дылда с дипломом библиотекаря, могла только сноровисто стучать по печатным клавишам.

Как оказалось, ничего супер сложного в сложном компьютере нет. По крайней мере в тех программах, что интересовали меня. Наверное, все-таки права моя матушка, утверждая, что я и способная, и упрямая. А подобная гремучая смесь сносит все преграды на пути.

Уже через неделю я общалась с умной машиной, не конфузясь.

А вскоре Лариска начала поставлять мне клиентов.

Ее эмоциональные рассказы в парикмахерской о суперграмотной, интеллигентной наборщице и совсем немеркантильной, убеждали больше, чем все вместе взятые рекламные газетенки, веером торчащие из почтовых ящиков. Первый компьютерный гонорар мы вдохновенно прокутили в ресторанчике при казино. Потом прикупили себе кое-что из косметики. А дальше Лариска рассудила так: "Будем считать, что процент от амортизации техники ты мне отдала, теперь работай на себя. Разберемся, подруга! Ты же знаешь мой принцип – чем чаще счет, тем дольше дружба!

– Имя, фамилия, домашний телефон? – мне нравилось изображать деловитость. Я даже для записей завела Амбарную книгу.

– Романов Виктор Романович.

– Хм, какое занятное сочетание! – такая у меня привычка во всем видеть скрытый смысл и тайные знаки!

– Чем же? – пожал он плечами.

– Романы и победы. Победы и романы, – многозначительно произнесла я. – А поражения бывают?

– Вы о чем? – он сухо кашлянул и посмотрел на меня, как на не совсем здорового человека. – У вас где курят?

– На лестнице! – я не выношу, когда кто-то посторонний курит в моем жилище. Да еще какую-нибудь вонючую гадость.

Клиент, Романов Виктор Романович, разминал в руку беломорину.

Вот такой была наша первая встреча!

Единственное, что мне понравилось в нем, не торгуясь он выплатил мне аванс и не канючил о срочности работы.

Как только за Романовым захлопнулась дверь, я с удовольствием закурила и набрала Ларискин номер.

– Ну как? – Лариска что-то жевала. В периоды любовного безроманья на нее накатывал неистовый жор. Отчаянным жеванием она гасила эмоциональный невостребованный пожар.

– Да никак! – совершенно искренне ответила я. – По-моему, обычный черствый ученый сухарь. От него ни одного флюида не отходит.

– Ну-ну! – Лариска смачно что-то отпила. – Я про Еремина так же думала. Лучше бы его, паразита, к себе близко не подпускала.

– И что изменилось бы? – этот разговор в разных интерпретациях мы повторяли на протяжении последних двух недель.

– А то! Не влюбилась бы и не страдала сейчас, – Лариска начала подвывать. – Такого мужика я больше не встречу...

– Да будет тебе! Не ты ли мне говорила – каждый новый мужик лучше двух старых.

– Ничего ты не понимаешь! – Лариска бросила трубку.

Но я-то знала, что она не обиделась, просто вспомнила про очередную сковородку на плите.

Он позвонил через три дня.

Я уже приготовилась было отбрить его, сказав дежурную фразу о том, что заказ в работе, и как только будет готов, я непременно позвоню сама. Сама!

– А не пойти ли нам куда-нибудь вечером? – обратился он ко мне, как к старой знакомой.

От неожиданного нахальства я онемела.

В тот момент я стояла у зеркала, с отвращением глядя на свой бесформенный силуэт. Я уже экипировалась для выхода на работу, предусмотрительно натянув на себя два толстых свитера. В нашей детской библиотеке еще не включили отопление, несмотря на стылый октябрь.

– Почему такая затяжная пауза? У хороших актеров она короче, – голос у него был иронично-добрый.

– Думаю, – произнесла я немного кокетливо. – У меня, честно признаться, уже есть планы на вечер.

– Но ведь все в этой жизни можно поменять! А тем более всего лишь планы на один вечер, а?!

Он что-то еще говорил, кажется, о скоротечности счастливых моментов и неожиданных встречах, а я лихорадочно соображала – соглашаться или нет! В принципе, ничего важного у меня не намечалось на этот вечер. Это я так брякнула, для солидности. Но... Но, если я соглашусь сейчас, то нужно быстро переодеваться, не тащиться же в кафе в лыжном прикиде.

И нужно бы посерьезнее отнестись к макияжу, да и вообще нет у меня настроения встречаться с малознакомым, абсолютно не взволновавшим меня мужчиной...

– Спасибо за приглашение! В другой раз обязательно мы куда-нибудь выйдем, – я была абсолютно уверена, что все уже решено, раз я так сказала.

Как и какими словами он все же уговорил меня? До сих пор не понимаю!

– Жду ровно в семь на углу Мойки и Невского.

И все. Сигнал отбоя.

Я мрачным вихрем носилась по комнате. До начала рабочего дня оставалось полчаса, а я все еще не могла решить, в каком наряде совершить выход.

Наконец, остановилась на ничего не значащем сером костюме. Удлиненная пестрая юбка и просторный пиджак. "А-ля" добросовестная училка или директриса маленькой швейной фабрики. Заниматься лицом не было времени, смахнув с трельяжа все флакончики и тюбики в сумку, решила накраситься после планерки, спрятавшись от строгого ока заведующей за стеллажами с бумажным указателем "Прочитай и запомни!"

Планерка, на которой в очередной раз проверялись списки поступивших книг, как назло затянулась. Ирка Гагаркина зачем-то взяв слово, дрожащим голосом стала зачитывать тезисы о том, как повысить посещаемость читального зала. Откуда они их надергала? И зачем ей посещаемость? Зарплата больше не станет, зато хлопот добавится. Народ стал тащить все. Раньше пропажа газетнки из подшивки вырастала в ЧП невероятного размера, сейчас умудряются выносить многотомники.

Иркин патриотический писк вызвал бурю дебатов. Говорили о вырождении нации, об ужасающей неграмотности и об умирании благородных читательских традиций.

Я с тоской следила за дождевыми каплями, ползущими волнистыми гусеницами по оконному стеклу и отчаянно мерзла в шелковой блузке. Даже пиджак не спасал.

Словесный энтузиазм перешел в конкретику. Сотрудницы решили, не откладывая на потом, тут же проверить генеральную уборку читального зала. Да, уж! Чего-чего, а огня в наших женщинах не погасишь! Им зарплату не выдают несколько месяцев, отопление отключают, читатели воруют, как отпетые рецидивисты, а они, энтузиастки, специальными тряпками по стеллажам орудуют, скоблят кафель в вечно-затопленном сортире.

С этим авралом я не успела хоть чуть-чуть привести себя в порядок. Так и отправилась на свидание. Зализанный затылок, бесформенный жидкий хвостик и две "стрелки" в уголках глаз. Черные полосы, выведенные уставшей неверной рукой.

– Может быть, и не придет, – со счастливой надежной думала я, проезжая без десяти семь мимо перекрестка нашей встречи. Остановка троллейбуса была чуть подальше.

Но... под дождем маячила ссутулившаяся одинокая фигура. Даже погода не поменяла его планы!

Я прыгнула с подножки и подкралась к нему сзади. Резко ткнула указательными пальцами под его ребра. Он резко повернулся. Я даже невольно сжалась, так осязаемо было чувство руки, готовой к удару.

– А это ты! Привет! – его глаза радостно вспыхнули. – А я тебя с другой стороны высматриваю.

Он протянул мне три гвоздики. Красную, желтую, белую.

– Любовь, измена и тоска, – выдохнула я, принимая озябшие цветы.

– Ты о чем?

– Да так, ни о чем. Это я расшифровываю спрятанный смысл в цветах. Красный – любовь, желтый – измена, белый – тоска.

Он с удивлением взглянул на меня. Даже присвистнул.

– Забавные вы существа, женщины!

И именно в эту минуту, откуда не знаю, может быть, из того пресловутого информационного поля, о котором трендит с утра до вечера, на меня обрушилась горячая волна. Жгучая мысль пронзила короткой болью висок, странная мысль о том, что с этим мужиком, которого я вижу второй раз в жизни, у меня будет долгий, мучительный роман. Но, если я это осознала, особенно насчет мучительного, почему не сорвалась с места и не убежала, включив предельную скорость с этого мокрого перекрестка? Зачем вдруг притушила голос? И отчего во взгляде появился таинственный влажный блеск?

В маленьком, уютном кафе он щедро угощал меня коньяком, вкусными бутербродами и живописными рассказами о мужественной жизни геологов.

Вот оно, как интересно складывается! – я разглядывала его морщинки возле губ, седину на висках, крепкие широкие ладони. – Никакой он не черствый сухарь, а настоящий мужик, который из огня выйдет невредимым и переплывет бушующую реку.

– А как же женщины? Нелегко, наверное, в экспедициях без них? – коньяк ударил мне в голову, и я, видимо, осмелела. Раз стала спрашивать такие двусмысленности.

– О чем ты говоришь! Какие женщины! – в голосе звучало неподдельное возмущение. – Мы работаем!

Я вздохнула с облегчением. Как сладостно верить, что есть еще мужчины на белом свете для которых есть благородные цели в жизни, а не погоня за очередной юбкой.

Чудный был тот вечер!

Сейчас, спустя два года, я думаю, может быть, зря люди так торопятся проникать в души друг друга, стремясь переплетаться всеми клетками? Отторжение чужеродных тел неизбежно. Рано ли, поздно ли, но случится ситуация неприятия одного другим.

Ведь совсем не зря, так легко нам дышится на ни к чему не обязывающему облаку общения...

Из кафе мы вышли последними.

Медленно брели по вечернему проспекту.

– Я дарю тебе нечто, очень близкое мне. Я дарю тебе Невский в дождевой пелене, – буднично пробормотал он, глядя на силуэт Адмиралтейства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.